

УДК 141.12

В.А. Худерко, канд. филос. наук, доцент

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevtu.sebastopol.ua

ИНТУИЦИЯ КАК МЕТОД НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Рассматриваются различные подходы к изучению интуиции как метода научного познания и философского обобщения.

Интуиция – это не чувство, не вдохновение, не неупорядоченная симпатия, а вполне развитый метод, причем один из наиболее полно развитых методов в философии. Он имеет свои строгие правила, задающие то, что Бергсон называет "точностью" в философии. По правде говоря, Бергсон сам подчеркивает данное обстоятельство: интуиция – как он методологически понимает ее – уже предполагает длительность. "Размышления относительно длительности, как мне кажется, стали решающими. Шаг за шагом они вынуждали меня возводить интуицию до уровня философского метода. Впрочем, использование самого слова интуиция заставляло меня долго колебаться". Он пишет Геддингу: "Теория интуиции, которую вы предпочитаете теории длительности, прояснилась для меня лишь значительно позже".

Но и у интуиции, и у длительности множество смыслов. Конечно же, интуиция вторична по отношению к длительности и памяти. И действительно, пока эти понятия [notion] сами по себе обозначают живую реальность и живой опыт, у нас нет никакой возможности постичь [connaître] их (с той точностью, какая присуща науке). Как ни странно, можно сказать, что длительность оставалась бы чисто интуитивной (в обычном смысле этого слова), если бы интуиция (в собственно бергсоновском смысле) не выступала здесь в качестве метода. Дело в том, что Бергсон полагается на интуитивный метод, дабы учредить философию как абсолютно "точную" дисциплину – дисциплину, которая точна в своей области (как наука в своей) и могла бы продолжаться и передаваться так же, как это происходит в самой науке. И без методологической нити интуиции связь между Длительностью, Памятью и Жизненным порывом оставалась бы – с точки зрения познания – неопределенной. Учитывая все это, мы вынуждены поставить интуицию как строгий и точный метод во главу угла нашего исследования.

Самый общий методологический вопрос таков: каким образом интуиция, изначально указывающая на непосредственное знание [connaissance], может оформиться в метод, коль скоро считается, что метод, по существу, подразумевает одно или несколько опосредований? Бергсон часто представляет интуицию как простой акт. Но с его точки зрения, простота вовсе не исключает качественную и виртуальную множественность, разнообра-

зие направлений, в которых последняя актуализируется. Значит, именно в этом смысле интуиция подразумевает множество аспектов и многообразные, несводимые друг к другу, точки зрения. В сущности, Бергсон различает три разных типа действий, задающих, в свою очередь, правила метода: первый касается самой постановки и созидания проблем; второй – обнаружения подлинных различий по природе [*differences de nature*]; третий – схватывания реального времени. Демонстрируя, как мы переходим от одного смысла к другому и в чем, собственно, состоит "фундаментальный смысл", мы можем переоткрыть простоту интуиции в качестве живого акта и, тем самым, ответить на общий методологический вопрос.

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО: Проверка на истинность или ложность должна применяться к самим проблемам. Нужно отбрасывать ложные проблемы и примирять истину и творчество на уровне проблем.

Мы не правы, полагая, что истинность и ложность относятся лишь к полученному решению, что проверка на истинность и ложность начинается только с решения. Это, по сути, социальный предрассудок (все выглядит так, как если бы и общество, и язык, передающий порядок слов этого общества, "ставили" перед нами уже готовые проблемы – будто те извлекаются из "архивов городских чиновников" – и обязывали нас "решать" их в узких рамках оставленной полоски свободы). Более того, этот предрассудок возвращает нас в детство, в учебный класс: именно школьный учитель "ставит" проблемы; задача ученика – найти решение. И именно так мы попадаем в своего рода рабство. Подлинная же свобода состоит в способности принимать решение, конституировать сами проблемы. И такая "полубожественная" способность влечет за собой исчезновение ложных проблем, а также творческую постановку истинных проблем. "Правда в том, что для философии, да и не только для нее, речь идет, скорее, о нахождении проблемы и, следовательно, о ее формулировке, чем о решении. Ибо спекулятивная проблема разрешается, как только она соответствующим образом поставлена. Здесь я имею в виду, что тогда ее решение существует, хотя и может оставаться спрятанным или, так сказать, скрытым: единственное, что остается сделать, так это открыть его. Но постановка проблемы – не просто открытие, это – изобретение. Открытие должно иметь дело с тем, что уже существует – актуально или виртуально; значит, рано или поздно оно определенным образом должно произойти. Изобретение же наделяет бытием то, чего на самом деле не существует; оно могло бы никогда не произойти. Уже в математике, а еще более в метафизике, изобретательское усилие чаще всего состоит в порождении проблемы, в созидании терминов, в которых она будет ставиться. Итак, постановка и решение проблемы весьма близки к тому, чтобы уравниваться: подлинно великие проблемы выдвигаются только тогда, когда они разрешимы".

И не только вся история математики подтверждает правоту Бергсона. Последнее предложение из приведенного только что текста можно сравнить с формулой Маркса, пригодной для самой практики: "Человечество ставит лишь те проблемы, какие способно решить". Речь в этих двух случаях идет вовсе не о том, что проблемы подобны теням предсуществующих решений (весь контекст указывает на обратное). Нельзя также сказать и то, что в расчет берутся только проблемы. Напротив, в расчет принимается как раз решение, но проблема всегда обретает решение – которого она достойна – лишь в зависимости от того способа, каким она ставилась, от тех условий, при которых она определилась как проблема, и в зависимости от средств и терминов, какими мы располагаем для ее постановки. В этом смысле история человека – как с теоретической, так и с практической точек зрения – есть история конструирования проблем. Именно здесь человечество творит собственную историю, и осознание такой деятельности подобно обретению свободы. (Верно, что по Бергсону понятие [notion] проблемы уходит своими корнями за пределы истории – в саму жизнь, в жизненный порыв: жизнь, по сути, задает себя в действии, направленном на обход препятствий, на постановку и решение проблем. Конструирование организма подразумевает сразу как постановку проблем, так и их решение).

Но как может эта пребывающая в проблеме конструктивная сила согласовываться с нормой истины? И если не так уж сложно определить истину и ложь в отношении решений, чьи проблемы уже поставлены, то, по-видимому, значительно труднее сказать, в чем же состоят истина и ложь, когда их применяют к постановке самих проблем. Именно здесь многие философы начинают ходить по кругу: они осознают необходимость применять проверку на истину и ложь к самим проблемам за пределами решений, но довольствуются лишь тем, что определяют истинность или ложность проблемы возможностью или невозможностью принять ее решение. С другой стороны, крупное достижение Бергсона состоит в попытке изнутри определить, что такое ложь в выражении "ложная проблема". Отсюда вытекает другое правило – дополнительное к предыдущему общему правилу.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВИЛО: Ложные проблемы бывают двух видов: "несуществующие проблемы", определяемые как такие проблемы, в самих терминах которых содержится путаница между "большим" и "меньшим"; и "плохо поставленные проблемы", определяемые так потому, что их термины представляют плохо проанализированные композиты [mixtes].

Для иллюстрации проблем первого типа Бергсон ссылается на проблемы небытия, беспорядка и возможного (проблемы знания и бытия); примерами второго типа являются проблемы свободы и интенсивности. Его анализ этих проблем хорошо известен. В первом случае он состоит в показе того, что содержание идеи небытия не меньше, а больше содержания идеи

бытия, содержание [идеи] беспорядка не меньше, а больше содержания [идеи] порядка, содержание возможного не меньше, а больше, чем содержание реального. В идее небытия фактически содержится идея бытия, плюс логическая операция обобщенного отрицания, плюс особый психологический мотив для такой операции (например, когда бытие не соответствует нашему ожиданию, и мы постигаем его только как нехватку, как отсутствие того, что нас интересует). В идее беспорядка уже присутствует идея порядка, плюс ее отрицание, плюс мотив такого отрицания (когда мы сталкиваемся с порядком, не являющимся тем порядком, какого ожидаем). И есть нечто большее в идее возможного, чем в идее реального: "Ибо возможное – это только реальное с добавлением действия разума, который отбрасывает в прошлое образ реального сразу, лишь только тот имел место", а также мотив такого действия (когда возникновение реального во Вселенной мы смешиваем с последовательностью состояний в закрытой системе).

Когда мы спрашиваем "Почему есть, скорее, нечто, а не ничто?" или "Почему существует порядок, а не беспорядок?", или "Почему есть скорее это, чем то (тогда как то было равно возможным)?", мы впадаем в ту же самую ошибку: мы ошибочно принимаем большее за меньшее и ведем себя так, как если бы небытие существовало до бытия, беспорядок – до порядка, возможное – до существующего. Как если бы бытие должно было заполнять пустоту, порядок – организовывать предсуществующий беспорядок, реальное – осуществлять изначальную возможность. Бытие, порядок или существующее истинны сами по себе; но в ложной проблеме присутствует фундаментальная иллюзия, некое "движение истины вспять", согласно которому предполагается, что бытие, порядок и существующее предшествуют сами себе или же предшествуют полагающему их творческому акту, проецируя образ самих себя назад в возможность, в беспорядок и в небытие, считающиеся изначальными. Это центральная тема философии Бергсона; она подытоживает его критику отрицательного и всех форм негации как источников ложных проблем.

Плохо поставленные проблемы – второй тип ложных проблем – вводят другой механизм: на сей раз речь идет о плохо проанализированных композитах, в которые мы произвольно группируем различающиеся по природе вещи. Рассмотрим, к примеру, вопрос: сводится счастье к удовольствию или нет? Возможно, термин "удовольствие" соотносится с крайне разнообразными, несводимыми друг к другу, состояниями, только похожими на идею счастья. Если термины не соответствуют "естественным сочленениям [articulations]", то проблема ложна, ибо она не затрагивает "самую природу вещей". И опять же, бергсоновский анализ хорошо известен, например, когда он выносит приговор понятию интенсивности как плохо проанализированному композиту: [независимо оттого] смешивается ли ка-

чество ощущения с соответствующим ему мускульным пространством или же с количественными характеристиками производящей его физической причины, понятие [notion] интенсивности заключает в себе неоднородную смесь между различающимися по природе данностями, так что вопрос – "насколько действительно возрастает ощущение?" – всегда возвращается к плохо поставленной проблеме. То же касается и проблемы свободы, когда смешиваются два типа "многообразий": многообразие терминов, рядоположенных в пространстве, и многообразие состояний, сливающихся друг с другом в длительности.

Вернемся к первому типу ложных проблем. Здесь, согласно Бергсону, большее принимается за меньшее. Но иногда он же говорит, что меньшее здесь принимается за большее: так, сомнение относительно действия лишь внешним образом добавляется к этому действию, тогда как в действительности оно свидетельствует о половинчатости воли; отрицание же не добавляется к тому, что оно отрицает, а лишь свидетельствует о слабости того, кто отрицает. "Ибо мы чувствуем, что божественно сотворенные воля и мысль слишком полны в себе, полны в безмерности собственной реальности, чтобы нести даже намек на идею нехватки порядка или нехватки бытия. Вообразить возможность абсолютного беспорядка, а еще более – повод для небытия, было бы для таких воли и мысли все равно, что сказать себе, будто они могли бы вовсе не существовать, и это было бы слабостью, несовместимой с их природой, которая есть сила... Это – не что-то большее, а что-то меньшее; это – дефицит воли". Нет ли противоречия между данными двумя формулировками, когда небытие иногда представляется как нечто большее по отношению к бытию, а иногда как нечто меньшее? Противоречия нет, если мы поймем, что то, что Бергсон осуждает в "несуществующих" проблемах, – это навязчивое стремление (во всех его проявлениях) мыслить в терминах большего и меньшего. Идея беспорядка появляется, когда – вместо уразумения того, что существует два и более не-сводимых порядков (например, порядок жизни и порядок механизма, причем один присутствует тогда, когда другой отсутствует) – мы удерживаем только общую идею порядка, которой и ограничиваемся, дабы противостоять беспорядку и мыслить в связи с идеей беспорядка. Идея небытия появляется, когда вместо схватывания различных реальностей, неопределенно замещаемых одна другой, мы смешиваем их в однородности Бытия вообще, которое может быть противопоставлено только небытию, может относиться только к небытию. Идея возможного появляется, когда вместо схватывания каждого существующего в его новизне все существование в целом соотносится с заранее сформированной стихией, из которой, как предполагается, все и возникает путем простой "реализации".

Короче говоря, каждый раз, когда мыслят в терминах большего или меньшего, уже игнорируют различия по природе между двумя порядками, между видами бытия, между типами существования. Таким образом, можно видеть, как первый тип ложной проблемы надстраивается – согласно проведенному только что анализу – над вторым: идея беспорядка рождается из общей идеи порядка как плохо проанализированный композит, и так далее. Воспринимать все в терминах большего и меньшего, не видеть ничего, кроме различий в степени и различий в интенсивности там, где более основательным образом присутствуют различия по природе, – это, возможно, самая общая ошибка мышления, ошибка, присущая как науке, так и метафизике.

Следовательно, мы – жертвы фундаментальной иллюзии, соответствующей двум аспектам ложной проблемы. Само понятие [notion] ложной проблемы подразумевает, что мы должны бороться не против простых ошибок (ложных решений), а против чего-то более основательного: [против] иллюзии, которая увлекает нас или в которую мы погружены, – иллюзии, неотделимой от наших условий [опыта]. Мираж, как говорит Бергсон о таком проецировании назад возможного. Заимствуя саму идею у Канта, Бергсон, однако, полностью трансформирует ее: именно Кант показал, что разум в собственной глубине порождает не ошибки, а неизбежные иллюзии, от которых нельзя избавиться, но можно лишь уменьшить их влияние. Хотя Бергсон определяет природу ложной проблемы совершенно по-иному и хотя кантовская критика в его глазах сама является собранием плохо поставленных проблем, он рассматривает иллюзию способом, аналогичным кантовскому. Иллюзия коренится в самой глубине интеллекта: строго говоря, она не рассеивается и не может рассеяться, скорее, ее можно только подавить. Мы стремимся мыслить в терминах большего и меньшего, то есть видеть различия в степени там, где есть различия по природе. Противодействовать такой интеллектуальной тенденции мы можем, только привнося в жизнь – и опять же в интеллект – иное стремление, по сути своей критическое. Но откуда же именно берется такое второе стремление? Производить и активировать его может только интуиция, поскольку она переоткрывает различия по природе ниже различий в степени и привносит в интеллект критерии, позволяющие последнему проводить различия между истинными и ложными проблемами. Бергсон ясно показывает, что интеллект – это способность ставить проблемы вообще (инстинкт же – это, скорее, способность находить решения). Но только интуиция решает между истинным и ложным в проблемах, которые ставятся, даже если это подразумевает то, что интеллект вынужден обернуться против самого себя.

ВТОРОЕ ПРАВИЛО: Нужно бороться против иллюзии, переоткрывать истинные различия по природе или сочленения реального.

Бергсоновские дуализмы хорошо известны: длительность-пространство, количество-качество, неоднородность-однородность, непрерывность-дискретность, два многообразия, память-материя, воспоминание-восприятие, сжатие-ослабление, инстинкт-интеллект, два источника и так далее. Даже беглый просмотр заголовков, помещаемых Бергсоном сверху каждой страницы своих книг, указывает на его пристрастие к дуализмам, которые, однако, не являются последним словом его философии. Итак, в чем же их смысл? По Бергсону, композит всегда должен разделяться согласно его естественным сочленениям, то есть разделяться на элементы, различающиеся по природе. Интуиция как метод – это метод деления, платонистский по духу. Бергсон не отказывается от того, что вещи в реальности перемешаны; сам опыт, фактически, не предлагает нам ничего, кроме композитов. Но камень преткновения как раз не здесь. Например, мы превращаем время в представление, пронизанное пространством. Неудобство в том, что мы не знаем, как разделить в такой репрезентации две ее составляющие компоненты, которые различаются по природе, два чистых наличия [presence] длительности и протяженности. Мы столь основательно смешиваем протяженность и длительность, что можем теперь противопоставить их смеси только принципу, который, как считают, не является ни пространственным, ни темпоральным, и в отношении которого пространство и время, длительность и протяженность – теперь лишь некие вырожденные случаи [degradations]. Возьмем еще пример. Мы смешиваем воспоминание и восприятие; но в действительности мы не знаем, как опознать то, что отходит к восприятию, а что – к воспоминанию, мы больше не различаем в представлении два чистых наличия материи и памяти и не видим более ничего, кроме различий в степени между восприятием-воспоминаниями и воспоминанием-восприятиями. Значит, мы измеряем смеси с помощью единицы, которая сама не чиста и является смесью. Мы утратили основание композитов. Одержимость чистотой у Бергсона возвращает к такому восстановлению различий по природе. Только то, что различается по природе, можно сказать, является чистым, но только тенденции различаются по природе. Следовательно, композит должен разделяться согласно количественным и качественным тенденциям, то есть согласно способу, каким он комбинирует длительность и протяженность, как они определяются в качестве движений, направлений движений (отсюда длительность-сжатие и материя-ослабление). И опять же, есть какое-то сходство между интуицией как методом деления и трансцендентальным анализом: если композит представлен на деле [en fait], он должен разлагаться на тенденции и на чистые наличия, существующие только в принципе [en droit]. Мы выходим за пределы опыта к условиям опыта (но

это вовсе не условия всякого возможного опыта в стиле Канта, это — условия реального опыта).

Таков лейтмотив Бергсона: мы видим только различия в степени там, где есть различия по природе. Под этой рубрикой Бергсон группирует главные направления своей критики, принимающие множество разнообразных форм. Его главный упрек в адрес метафизики состоит в том, что та видит только различия в степени между опространственным временем и вечностью, которую она считает изначальной (время как вырождение, ослабление или принижение бытия...): все существа определяются по шкале интенсивности — между двумя полюсами совершенства и ничто. Но похожий упрек он адресует и науке; нет иного определения механизма, чем то, что вызывает к уже опространственному времени, согласно которому существа не являют нам более ничего, кроме различий в степени, в положении, в размере, в пропорции. Даже в эволюционизме есть "механизмизм" в той мере, в какой эволюционизм постулирует однолинейную эволюцию и переносит нас из одной живой организации в другую с помощью простых опосредований, переходов и вариаций в степени. Весь источник обрушивающихся на нас ложных проблем и иллюзий лежит в таком пренебрежении подлинными различиями по природе: уже в первой главе Материи и памяти Бергсон показывает, как забвение различий по природе — с одной стороны, между восприятием и аффектом, а с другой — между восприятием и воспоминанием — дает начало всем видам ложных проблем, заставляя нас думать, что наше восприятие, по сути, неэкстенсивно: "В мысли, что мы проецируем вне нас чисто внутреннее состояние, столько недоразумений, столько ошибочных ответов на плохо поставленные вопросы..."

Ни один текст, как первая глава Материи и памяти, не показывает столь ясно, насколько сложны манипуляции интуиции, выступающей в качестве метода деления. Речь идет о разделении представления на обуславливающие его элементы, на чистые наличия и тенденции, различающиеся по природе. Как же действует Бергсон? Прежде всего он спрашивает, между чем и чем могут быть, (а могут и не быть) различия по природе. Первый ответ таков: пока головной мозг является "образом" среди других образов или обеспечивает определенные движения среди других движений, до тех пор не может быть различия по природе между способностью головного мозга, которая, как говорится, является перцептивной, и рефлексными функциями спинного мозга. Итак, головной мозг не изготавливает представления, а только усложняет взаимосвязь между полученным движением (возбуждением) и выполненным движением (ответом). Между этими двумя движениями мозг устанавливает некий интервал, независимо от того, делит ли он полученное движение до бесконечности или же продолжает его в

многообразии возможных реакций. Даже если воспоминания воспользуются этим интервалом или, собственно говоря, "встраиваются" в него, ничего не меняется. На какой-то момент мы можем не принимать их в расчет, будто они вовлекаются в другую "линию". На прочерчиваемой же нами линии у нас имеются (только и могут иметься) материя и движение – движение, более или менее запутанное, более или менее отсроченное. Весь вопрос в знании того, обладаем ли мы – уже таким образом – также и восприятием. В результате, благодаря церебральному интервалу, живое существо может удерживать из материального объекта и из действий, исходящих от данного объекта, только то, что его интересует. Так что восприятие – это не объект плюс что-то, а объект, минус что-то – минус все, что на самом деле нас не интересует. Можно было бы сказать, что сам объект сливается с чистым виртуальным восприятием – в то время, как наше реальное восприятие сливается с объектом, от которого оно отбросило лишь то, что на самом деле нас не интересовало. Отсюда – известный тезис Бергсона, все следствия из которого нам предстоит проанализировать: мы воспринимаем вещи там, где они есть, восприятие помещает нас сразу в материю, оно безлично и совпадает с воспринимаемым объектом. Если продолжить ту же линию, то весь метод Бергсона состоит прежде всего в поиске терминов, между которыми не могло бы быть различия по природе: между способностью головного мозга и функцией спинного мозга, между восприятием материи и самой материей могут быть не различия по природе, а лишь различия в степени.

Теперь мы в таком положении, что можем отследить и вторую линию, по природе отличающуюся от первой. Чтобы установить первую линию, нам нужны были фикции: мы полагали, что тело подобно чистой математической точке в пространстве, чистому мгновению или последовательности мгновений во времени. Но такие фикции были не просто гипотетическими: они состояли в выталкивании за пределы опыта некоего направления, извлекаемого из самого опыта. Только так мы можем вычленить весь аспект [tout un cote] условий опыта. Все, что теперь остается, – это спросить себя, чем заполнен церебральный интервал, что им пользуется, чтобы воплотиться. Ответ Бергсона тройкий. Во-первых, есть эффективность, допускающая, что тело является чем-то иным, нежели математической точкой, и сообщаящая ему объемность в пространстве. Далее, именно воспоминания памяти соединяют моменты друг с другом и встраивают прошлое в настоящее. И наконец, именно память снова в другой форме – в форме сжатия материи – способствует возникновению качества. (Значит, как раз память делает тело чем-то иным, а не мгновенным [образованием], и придает ему длительность во времени). Следовательно, мы оказываемся на новой линии, линии субъективности, на которой упорядочиваются эффективность,

память-воспоминание и память-сжатие: можно было бы сказать, что эти термины по природе отличаются от терминов предыдущей линии (восприятие-объект-материя). Итак, представление вообще делится на два направления, различающиеся по природе, на два чистых наличия, которые не позволяют себе быть представленными: на направление восприятия, помещающее нас сразу в материю, и на направление памяти, помещающее нас сразу в мир духа. И опять же вопрос не в том, встречаются ли эти две линии и смешиваются ли друг с другом. Такая смесь – это сам наш опыт, наше представление. Но все наши ложные проблемы вытекают из того, что мы не знаем, как выйти за пределы опыта к условиям опыта, к сочленениям реального и переоткрытию того, что различается по природе в композитах, которые нам даны и в которых мы живем. "Оба акта, восприятие и воспоминание, всегда, следовательно, взаимопроницаемы и всегда обмениваются своими субстанциями, как при эндосмосе. Задача психолога – разединить их, вернуть каждому из них его первоначальную чистоту: таким путем разъяснились бы многие трудности, выявляемые психологией, а также и проблемы, поднимаемые метафизикой. Но происходит совсем наоборот. В этих смешанных состояниях, образованных из неравных частей чистого восприятия и чистого воспоминания, стремятся видеть простые состояния и этим обрекают себя на непонимание как чистого воспоминания, так и чистого восприятия, на признание единственного и однородного явления, которое будет называться то воспоминанием, то восприятием, смотря по тому, преобладает в нем тот или другой из этих двух аспектов, и, как следствие, на признание между перцепцией и воспоминанием различия только в степени, а не по природе.

Интуиция выводит нас за пределы состояния опыта к условиям опыта. Но такие условия не являются ни общими, ни абстрактными, они не шире, чем обусловленное; они – условия реального опыта. Бергсон говорит о намерении "взять опыт в его истоках или, скорее, выше того решающего поворота, где, отклоняясь в направлении нашей пользы, он становится чисто человеческим опытом". Выше этого поворота как раз и находится тот пункт, где мы, наконец, обнаруживаем различия по природе. Но пытаясь добраться до этой фокальной точки, мы сталкиваемся со столь многочисленными трудностями, что явно противоречивые интуитивные акты, должны размножаться. Итак, иногда Бергсон говорит о движении, в точности соответствующем опыту, иногда о расширении, иногда о сжатии и стягивании. Ибо прежде всего определенность каждой "линии" подразумевает своего рода сжатие, в котором явно разные факты группируются по их естественным сходствам, стягиваются согласно их сочленениям. Но с другой стороны, мы выталкиваем каждую линию за поворот, к той точке, где она выходит за пределы нашего собственного опыта: чрезвычайное расшире-

ние, вынуждающее нас мыслить, чистое восприятие как тождественное всей материи в целом, а чистую память как тождественную всей тотальности прошлого. Именно в этом смысле Бергсон в некоторых случаях приравнивает философский подход к процедуре исчисления бесконечно малых: когда мы на опыте воспользуемся зарождающимся проблеском, озаряющим линию сочленения, все, что остается – так это распространить этот проблеск за пределы опыта так же, как математики заново восстанавливают из бесконечно малых элементов, открывшихся на реальной линии, "форму самой этой линии, лежащей за ними во мраке". В любом случае Бергсон не из тех философов, кто приписывает философии собственно человеческую мудрость и уравновешенность. Дать нам доступ к нечеловеческому и сверхчеловеческому (к длительностям, которые и подчиняются нам, и верховодят нами...), идти за пределы человеческих условий – в этом смысл философии постольку, поскольку наши условия обрекают нас жить среди плохо проанализированных композитов, да и самим выступать в качестве плохо проанализированных композитов.

Библиографический список

1. Cold A.R. (1988). Scholars losing sight the reason for reading in Reno Gazette-journal, juty 9.
2. Julesz B. (1971). Foundations of cyclopean perception. Chicago: University of Chicago press.
3. Kohler W. (1938). The place of value in the world of facts. New York: Liveright.
4. Kosslyn S.M., S. Scheeartz, S.P. (1977). A simulation of visual imagery. Cognitive science, 1. 265-295.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.